

ПРОШЛОЕ — ПРОШЛОМУ. ВОПРОС О СВОБОДЕ (О ДВУХ РОМАНАХ ТОМАСА БРУССИГА И ЛУТЦА ЗАЙЛЕРА)

Чугунов Дмитрий Александрович

Воронежский государственный университет,

Воронеж, Россия

dmtrchugunov@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье высказывается предположение, что период так называемой после-послевоенной литературы, о котором заговорили после падения Берлинской стены, в начале XXI в. постепенно подошел к своему завершению. Термин «прошлое», применявшийся в конце XX в. не только к временам нацизма, но и к истории Германской Демократической Республики, в художественных произведениях начала нового столетия уже весьма специфически и избирательно связывается с событиями минувших десятилетий. Тема ГДР, звучавшая во множестве художественных и публицистических произведений (у П. Зюскинда, К. Дикмана, К. Хайна, Г. Грасса, Й. Шпаршу, В. Энглера, С. Ляйнеманн и др.), не ушла из литературы и в 2000-е гг., когда лауреатами престижных премий стали В. Хильбиг и У. Теллькамп. Однако сопоставление тематически близких романов «Герои как мы» Т. Бруссига (1995) и «Крузо» Л. Зайлера (2014) позволяет увидеть изменение вектора авторских интересов. Если произведение Т. Бруссига тесно связано с социально-психологическим осмыслением восточногерманской действительности до 1989 г., то феномен свободы — внутренней и внешней, являющийся художественным центром романа Л. Зайлера, имеет непосредственное отношение к философским исканиям современности. В свою очередь, это дает возможность выделить один из ключевых критериев построения новой литературной истории Германии.

Ключевые слова: осмысление прошлого, литература о ГДР, ситуация «поворота», Т. Бруссиг, Л. Зайлер, новейшая немецкая литература, феномен свободы, «Крузо».

Цитирование: Чугунов Д.А. Прошлое — прошлому. Вопрос о свободе (о двух романах Томаса Бруссига и Лутца Зайлера) // Новое прошлое / The New Past. 2021. № 2. С. 56–64. DOI 10.18522/2500-3224-2021-2-56-64 / Chugunov D.A. The Past Is the Past. Question About Freedom (About Two Novels of Thomas Brussig and Lutz Seiler), in Novoe Proshloe / The New Past. 2021. No. 2. Pp. 56–64. DOI 10.18522/2500-3224-2021-2-56-64.

© Чугунов Д.А., 2021.

THE PAST IS THE PAST. QUESTION ABOUT FREEDOM (ABOUT TWO NOVELS OF THOMAS BRUSSIG AND LUTZ SEILER)

Chugunov Dmitry A.

Voronezh State University,

Voronezh, Russia

dmtrchugunov@yandex.ru

Abstract. This article suggests that the period of the so-called post-postwar literature, which began in 1989 with the fall of the Berlin Wall, at the beginning of the 21st century gradually came to its end. The term “past” used at the end of the 20th century not only to the times of Nazism, but also to the history of the German Democratic Republic, in the works of art of the beginning of the new century, is already specifically and selectively associated with the events of the past decades. The theme of the GDR, which was in many artistic and publicistic works (by P. Süskind, K. Dieckmann, K. Hein, G. Grass, J. Sparschuh, W. Engler, S. Leinemann, etc.), was still present during the 2000s, when W. Hilbig and U. Tellkamp became laureates of prestigious awards. However, a comparison of the thematically close novels “Heroes Like Us” by Th. Brussig (1995) and “Kruso” by L. Seiler (2014) allows us to see a change in the vector of author’s interests. If the work of Th. Brussig is closely related to the socio-psychological understanding of East German reality before 1989, then the phenomenon of freedom – internal and external, which is the artistic center of L. Seiler’s novel, is directly related to the philosophical quest of our time. This makes it possible to single out one of the key criteria for the construction of a new literary history of Germany.

Keywords: comprehension of the past, literature about the GDR, the situation of “turning”, Th. Brussig, L. Seiler, the latest German literature, the phenomenon of freedom, “Kruso”.

Спустя 10 лет после падения Берлинской стены Томас Бруссиг, автор нашумевшего романа-сатиры «Герои как мы», воскликнул с удивлением: «Существуют Интернет, цифровая революция, мелкие спекулянты на бирже, рейтинги, немецкие солдаты, вновь участвующие в войне, “новый средний класс”. Однако на Востоке продолжают говорить только о Востоке, как будто время здесь остановилось» [цит. по: Mohr, 1999].

И действительно, осмысление феномена Восточной Германии уже в 1990-е гг. прочно вошло в тематический круг новой немецкой литературы. Если до объединения ФРГ и ГДР «прошлым» обозначались события 1933–1945 гг., а часто употребляемое выражение «преодоление прошлого» (*Vergangenheitsbewältigung*) имело совершенно определенный смысл, связанный с осознанием комплекса вины за нацистские преступления, то в последнее десятилетие XX в. слово «прошрое» стремительно начало использоваться и по отношению к жизни в бывшей ГДР.

В этом плане роман Т. Бруссига «Герои как мы» (*«Helden wie wir»*, 1995) являет собой наиболее яркий пример сатирического осмысления недавней восточногерманской действительности. Так, «акушерками» героя-рассказчика в романе оказались советские танки, двинувшиеся в 1968 г. в Чехословакию. В этом символическом рождении автор на первой же странице отобразил сущность отношений человек-мир в то время: «Была ночь, был ад... мир, наполненный политикой» [Brussig, 2002, с. 5].

В дальнейшем перед нами — исповедь Клауса Ульцшта, главного героя. Он сам привлекает на всеобщее обозрение потаенные случаи своей жизни, самые тайные свои размышления. Он наблюдает и оценивает, связывает воедино события, которые соединить может только тот, кто жил в двух мирах — прошлого и настоящего. При этом он стремится к объективности суждений, именно по этой причине его рассказ часто приобретает шокирующий характер. У Клауса Ульцшта много обозначений и условных имен, придуманных им для себя, на фоне которых могло бы затеряться одно — самое важное; он лишь однажды говорит о нем, в то же время прямо не называя. Пытаясь объяснить свой путь в систему государственной безопасности, он в какой-то момент с горечью говорит: «Я был не только ребенком своих родителей, но и учеником учителей и читателем моих библиотек. Я был одним из нас» [Brussig, 2002, с. 107].

Подобное познание себя на рубеже XX–XXI вв. породило целую волну произведений, посвященных жизни в ГДР. Практически сразу обозначили себя и проблемные вопросы, волновавшие интеллектуалов: «Что есть Запад, что есть Восток? Мы определяем эти понятия географически, исторически или через злобу дня? Или по настроению?» [Schmidt, 2000]. Общественная мысль уже не могла удовлетвориться двумя антитетичными образами-штампами, бытовавшими до объединения: благостным образом «государства рабочих и крестьян» или убогим образом государства-Зоны, в котором царил товарный дефицит, жизнь была заорганизована, а органы штази держали все под контролем. В 1990-е гг. в гуманитарных науках и в художественной литературе стали исследоваться в первую очередь доминанты социального характера на западе и на востоке страны. Это было важно, потому что «45 лет экономического и культурно-политического разделения превратили» западных и восточных немцев «в чуждых друг другу людей», как заметил И.А. Петров [Петров, 2002]. Назовем здесь книги и произведения Патрика Зюскинда — «Германия,

климакс» («Deutschland, eine Midlife-crisis», 1990), Кристофа Дикмана – «My Generation» (1991), Кристофа Хайна – «Стены Иерихова» («Die Mauern von Jerichow», 1992), Гюнтера Грасса – «Долгий разговор» («Ein weites Feld», 1995) и «Мое столетие» («Mein Jahrhundert», 1999), Йенса Шпаршу – «Комнатный фонтан» («Der Zimmerspringbrunnen», 1995), Вольфганга Энглера – «Восточные немцы» («Die Ostdeutschen», 2000), Сюзанны Ляйнеманн – «Пробудились. Стена исчезла» («Aufgewacht. Mauer weg», 2002) и т.п.

О важности темы ГДР свидетельствовал и выбор жюри двух престижных литературных премий Германии: в 2002 г. лауреатом Бюхнеровской премии (*Büchnerpreis*), назвали Вольфганга Хильбига, а в 2008 г. не менее значимую Немецкую книжную премию (*Deutscher Buchpreis*) получил Уве Теллькампа за роман «Башня. Истории с затонувшей страны» («Der Turm. Geschichte aus einem versunkenen Land»). Спустя три года Немецкой книжной премией был отмечен роман Ойгена Руге «Дни убывающего света. Роман одной семьи» («In Zeiten des abnehmenden Lichts. Roman einer Familie», 2011).

Значимость названных произведений несомненна. Хильбигу в романе «Я» («Ich», 1993), где речь идет о поэте – информаторе госбезопасности, «фантастически удалось запечатлеть доведенную до абсурда атмосферу жизни поздней ГДР» [Peschel, 2018]. В «Башне» Теллькампа «читатели, как никогда раньше, откроют для себя ароматы, идиомы и менталитет поздней ГДР, где события неумолимо движутся к 9 ноября» [Roman des Jahres..., 2008]. А роман О. Руге впервые представил историю ГДР с 1952 по 1989 гг. в жанре семейной саги, что ранее не удавалось никому из писателей.

Однако в 2014 г. Немецкую книжную премию получил роман Лутца Зайлера «Крузо» («Kruso»). С. Хаммемеле в «Шпигеле» подчеркнул: роман появился именно в юбилейный год после падения Берлинской стены. «Поэтому... осенью 2014 года, которая также является осенью падения Берлинской стены, не могло бы быть более подходящего обладателя Немецкой книжной премии...» [Hammelehle, 2014].

Означает ли это, что тема ГДР успешно превратилась в некий долгоиграющий проект в общественном сознании? И что ее осмысление в художественной литературе еще долгие годы будет устойчиво связываться с падением Берлинской стены и прочими событиями 1989 г.? К сожалению, ни в отечественном, ни в зарубежном литературоведении пока не появлялись работы о характерных тенденциях и тематических трансформациях в немецкоязычной литературе начала XXI в.

Для ответа на поставленные вопросы уместно не только внимательнее взглянуть в символическую ткань романа Л. Зайлера, но и сопоставить его с названными ранее книгами. Подобное сопоставление позволит уловить определенные пути авторской логики, разворачивающиеся во времени. Следует учесть и естественный временной разрыв, необходимый для формирования некоей определенной более-менее законченной картины в сознании человека, оглядывающегося на свое прошлое. Социальные психологи называют здесь период в 15–20 лет, отсылая в качестве примера хотя бы к массовым процессам над нацистскими преступниками, которые начались в ФРГ не в 1945 г., а только в 1960-е гг. Соответственно, почти двадцатилетний промежуток между 1995 г. («Герои как мы» Т. Бруссига) и 2014 г. («Крузо» Л. Зайлера) оказывается значимым для суждений.

Сразу отметим, что, несмотря на кажущиеся различия — в стилистике повествования, в форме авторских оценок и многом другом — романы Т. Бруссига и Л. Зайлера чрезвычайно близки друг другу. В обоих речь идет о внутренней эмиграции гражданина. Только в первом перед читателем вариант карнавального, дурацкого отстранения, во втором — вариант созидательный, направленный на поиск настоящего человека, который все-таки должен существовать.

В социалистическом лагере широкое распространение получил лозунг, призывавший человека к общественно значимым и масштабным свершениям. Жизнь, ограниченная частным кругом, воспринималась как типично мещанская, неполноценная. И Клаус Ульцшт, герой Бруссига, был с раннего детства одержим идеей обратить на себя внимание всего человечества. Он намеревается совершить что-нибудь полезное для всех (и, разумеется, получить за это соответствующую награду). Сейчас мы отлично понимаем, что забвение человека *единичного, частного*, игнорирование его индивидуальных запросов и мнения приводили к незаметному отрицанию вообще *человеческого* в истории, к превращению человека в винтик общественной системы. Т. Бруссиг доводит эту жажду общественного одобрения до немыслимого абсурда, смехом развенчивая самую идею. Понимая, что на Нобелевскую премию его деяния не тянут, Клаус решает войти в историю как... величайший извращенец, став в сознании современников рядом с самой Катариной Витт! [Brussig, 2002, с. 246]. Читатель видит, как бьется в муках зомбированное сознание героя, пытается приспособить существующие идеологические штампы к новому, непривычному плану действий. Позиция автора отличается убийственным сарказмом, ибо Клаус Ульцшт разрабатывает целую программу: «Особенную ценность я придаю заявлению о том, что я стал извращенцем, чтобы помочь социализму победить. Моя область исследований была сложной: нигде не проясняется связь между социализмом и извращениями. Как бы вам понравилось диалектическое единство *“Социализм нуждается в извращениях, извращениям нужен социализм!”* Смеешься от всего сердца, не правда ли? Однако я знаю, что такое грохот битв! Ты мгновенно обдумываешь лозунг и затем согласно киваешь: *“Мое рабочее место — мое поле битвы за мир”*, или *“То, что было достигнуто, еще не достижимо”*, или *“Социализм хорош только тогда, когда мы творим его каждый день”*. Я никогда не собирался отказываться от социалистического фундамента и работал только над извращениями, которые не должны были стыдиться своего социалистического происхождения» [Brussig, 2002, с. 247]. На 2005 г. герой намечает выход в свет своей книги — научного опыта об извращениях. Т. Бруссиг смеется над страстью к отмечанию официальных дат: в 2005 г. исполнится 100 лет с момента публикации известнейших книг З. Фрейда, А. Эйнштейна и В. Ленина [Brussig, 2002, с. 248].

О перверсиях общественного сознания в ГДР заходит речь и в романе Л. Зайлера. Здесь также ощущается характерная атмосфера ГДР — с ее лозунгами и топосами: «пункты сбора утиля принадлежали тогда к числу самых высоких инстанций, притом по всей стране: “Бутылки и стеклотара — ради Анджелы Дэвис” или “Ветошь — ради Луиса Корвалана”, утиль и международная солидарность были взаимосвязаны, переходили-перетекали одно в другое, “навек едины”, стучало в голову у Эда, стеклотара и Америка, ветошь и Чили, связка “Фолькс-вахт” ради борьбы чилийцев из “Народного единства”, ящик пустых банок из-под огурцов против расизма...» [Зайлер, 2016, с. 52].

Однако персонажи, которые противятся стиранию собственной личности в едином массовом порыве, уже не выглядят извращенцами, подобно Клаусу Ульцшту. Л. Зайлер использует принципиально иную характеристику для главного героя. В диалоге Эда и приемного отца Алексея Крузовича (Крузо. – Д. Ч.) отчетливо высвечивается новейшее *дон-кихотство* лидера нелегальной общины на острове Хиддензее:

«В пиратов и потерпевших кораблекрушение Алеша еще ребенком играл, невзирая ни на что. Возможно... простите, пожалуйста... возможно, вам бы стоило быть чуть внимательнее, чуть точнее в своих наблюдениях и чуть осторожнее в выводах.

– Я всегда стоял на стороне Лёша, рядом с ним, то есть...

– Конечно-конечно, вы не так поняли. Без сомнения, Алеше очень на пользу, что вы... стояли на его стороне. Я совершенно уверен, что он видит в вас товарища, в первую очередь... как бы это сказать... товарища по отчаянию. В свое время он увлеченно, но, по сути, в растерянности вел дневник, а позднее столь же добросовестно и недальновидно занялся тем, что, я слышал, называет теперь Союзом посвященных. Этакое подполье для накопления внутренней свободы, вроде как духовная общность, без нарушения границ, без побега, без утопления. Не просто маленькая иллюзия, скорее целиком и полностью бредовая идея, которая чрезвычайно меня огорчает, как вы, наверно, понимаете» [Зайлер, 2016, с. 263].

Замечание о внутренней *свободе* своеобразно подытоживает ту череду сигнальных реплик и суждений, что до этого рассыпана по тексту романа. И в них нам видится ключевое отличие идейно-художественных исканий Л. Зайлера от опыта его предшественников. Да, в романе Т. Бруссига Клаус Ульцшт прошел с августа до начала октября 1989 г. огромный, длиннейший путь внутреннего взросления. Из того обычного юноши, который «не делал ничего, что порицалось его учителями и в телепередачах» [Brussig, 2002, с. 282], он сумел превратиться в личность, пытающуюся осознать себя, награждающую себя нелестными характеристиками наподобие «крысы штази» [Brussig, 2002, с. 280]. Оказавшись в больнице после участия в бурных уличных событиях дрезденской осени, он задается вопросами: почему именно он оказался здесь? Что он сделал неправильно? Зачем все это? [Brussig, 2002, с. 292].

Однако смысловые интенции Т. Бруссига замкнуты на образе ГДР, авторский пафос неразрывно связан с политическими, идейными, социальными переменами в Восточной Германии. Это легко объяснить тем, что с начала 1990-х гг. между немецкими писателями развернулось негласное соперничество за лавры первого написавшего впечатляющий, фундаментальный роман о «повороте». Этим, например, был вызван огромный объем упоминавшегося нами ранее «Долгого разговора» Г. Грасса.

Л. Зайлер как представитель иного исторического времени оказался свободен от влияния этого запроса общества. И здесь мы подходим к важнейшему обстоятельству, характеризующему немецкоязычную литературу начала XXI в. в целом. Период «после-послевоенной литературы», начавшийся после объединения ФРГ и ГДР, действительно логичным образом подошел к своему завершению после исчерпания постмодернистского порыва в художественной словесности и окончательной

смены писательских поколений в 2000–2010-е гг. В условиях трансформации европейской картины мира (расширение Европейского Союза, потоки беженцев из стран третьего мира и т.п.) мы наблюдаем характерный поиск неких ключевых смыслов и понятий, вокруг которых может строиться сам литературный процесс. И роман «Крузо» Л. Зайлера высвечивает одну из этих ключевых «точек опоры» в исканиях новейшей литературы, о чем пойдет речь чуть ниже. Несмотря на то, что тематически роман также связан с эпохой конца ГДР, в идейном и эстетическом отношении он является уже отображением новой жизни.

Так, в произведении Л. Зайлера принципиально отсутствует сопоставление Восточной Германии с Западной. Сделаем здесь небольшое необходимое отступление и укажем, что еще у Юлии Франк в романе «На реках вавилонских» («Am Lagerfeuer», 2003) было снято подобное принижающее против- или сопоставление. Л. Зайлер размышляет вовсе не о том, была ли ГДР плохим или хорошим государством. Если допустить, что в его романе главным элементом является критика социалистической системы, то следствием этого станет необходимость поиска проигрышных сравнений с системой капиталистической, а этого в произведении нет. Напротив, главный герой прекрасно видит разрушительное влияние на человека именно западной общественной идеологии: «Крузо тихонько рассказывал о приюте, каким впредь может быть терраса "Отшельника". Говорил о возвращенцах и о том, что их будет немало, как только они уразумеют обманы потребительского мира.

— Они еще способны это уразуметь, Эд. Однако многие, родившиеся там и ничего другого не имевшие, уже не ощущают своего несчастья. Развлекательная отрасль, машины, собственное жилье, встроенные кухни, почему бы и нет? Но для них это как бы собственное тело, его естественное продолжение, вместилище чувств и мыслей. Их душа застряла в приборной доске, оглушена хай-фаем или испарилась в бошевской плите. Они уже не в состоянии чувствовать свое несчастье. Не слышат, какой цинизм заключен в слове потребитель, в одном этом слове! Его животное звучание, полное коровьих колокольцев и стад, которые гонят через холм благосостояния, а они щиплют траву, жуют, потребление, пищеварение и новое потребление — жрать и срать, вот что такое жизнь потребителя. И все нацелено именно на это, от рождения до смерти потребителя» [Зайлер, 2016, с. 308].

Подобная авторская позиция, выраженная устами персонажа, была бы совершенно нетипичной для ситуации «поворота» 1990-х гг. Лишь спустя десятилетия после объединения многие стали признавать, что граждане Восточной Германии соблазнились витриной западного образа жизни, а их лояльность к объединению в каких-то ситуациях была откровенно куплена правительством ФРГ, в 1988 г. повысившим так называемые «приветственные деньги» до 100 дойчмарок — суммы значительной для граждан ГДР [см., напр.: Фотоистория..., 2020].

Главный герой романа Л. Зайлера, казалось бы, создавший на острове коммуны «беглецов» от режима, прямо утверждает: бежать из ГДР — «это ложный путь. Целиком и полностью ложный» [Зайлер, 2016, с. 139]. Роман здесь принципиально перетекает из бытописательного в совершенно иной жанр — интеллектуальный,

философский, явно тяготеющий к «Волшебной горе» Томаса Манна. Ключевым же пунктом всех авторских размышлений становится феномен свободы.

Само слово «свобода» в разном контексте постоянно встречается на страницах романа. Директор Кромбах, принимающий Эда на работу в заводской дом отдыха «У отшельника», задает юноше вопрос с двойным дном: здоров ли он и *свободен* ли от прошлого (курсив наш. — Д. Ч.) [Зайлер, 2016, с. 43]. «Совершенно свободными» чувствуют себя дикие кабаны, решившие отплыть от острова в море и расстрелянные пограничниками, принявшими животных за беглецов из ГДР [Зайлер, 2016, с. 67]. О свободе размышляет девушка Грит, вспоминая слова Крузо: «Он говорит, свобода, по сути, всегда присутствует в нас, как глубинное наследство. Говорит, в наши дни особенно трудно вступить в права этого наследства. В сущности, задача почти непосильная. Но здесь, на острове, такое возможно, здесь, у моря, и кто не боится, тот чувствует его глубинный пульс...» [Зайлер, 2016, с. 206–207]. И сам Алексей Крузо, по наблюдению Л. Егера, — это «гуру свободы. Своим adeptам — вскоре он называет их “просветленным обществом” — он проповедует учение религиозного экзистенциалиста Льва Шестова, а кроме того: Гракха Бабефа — первого радикального уравнилителя Великой французской революции, Эрнста Блоха — философа-утописта, Карлоса Кастанеды» [Jäger, 2014].

Таким образом, решение жюри Немецкой книжной премии, присудившего премию 2014 г. роману Л. Зайлера, окончательно обозначило перемены в новейшем литературном процессе Германии. После появления романов «Башня» У. Телькампа и «Дни уходящего света» О. Руге уже было бы ошибочным относить к числу романов о «повороте» все произведения, в которых речь идет о падении Берлинской стены и конце истории ГДР. «Крузо» не менее убедительно показал, что тема восточногерманского прошлого представляет возможность для разговора не столько о прошлом, сколько о настоящем Германии. Проблема личностной свободы является большим философским вопросом, который в начале XXI в. актуализируется в немецкой литературе и может служить одним из критериев при построении новой литературной истории.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Зайлер Л. Крузо. М.: Текст, 2016. 412 с.

Петров И.А. Культура на переломе // *Международный исторический журнал*. 2002. № 20. URL: http://history.machaon.ru/all/number_09/analiti4/germany/part4/index.html (дата обращения — 02 февраля 2008 г.).

Фотоистория: Что покупали жители Восточной Германии на свои 100 «приветственных марок» // *Esquire*. 2020. № 51 (9 ноября). URL: <https://esquire.ru/articles/3715-berlin-wall/#part0> (дата обращения — 14 марта 2021 г.).

Brussig T. *Helden wie wir*. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 2002. 325 s.

Jäger L. Du wohnst im Geräusch // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 2014. 11 September. URL: <https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/rezensionen/belletristik/rezension-lutz-seilers-roman-kruso-13148371.html> (дата обращения — 2 мая 2020 г.).

Hammelehle S. Freiheit ist mehr als der Mauerfall // *Der Spiegel*. 2014. 7 Oktober. URL: <https://www.spiegel.de/kultur/literatur/lutz-seiler-deutscher-buchpreis-fuer-kruso-a-995675.html> (дата обращения — 2 мая 2020 г.).

Mohr R. Im Osten was Neues // *Der Spiegel*. 1999. URL: <https://www.spiegel.de/politik/im-osten-was-neues-a-4b30d6b7-0002-0001-0000-000015045537> (дата обращения — 16 января 2016 г.).

Peschel S. Wolfgang Hilbig: "Ich" // *Deutsche Welle*. 2018. 9 Oktober. URL: <https://www.dw.com/de/wolfgang-hilbig-ich/a-45718354> (дата обращения — 09 июня 2020 г.).

Roman des Jahres 2008. Der Turm: [Begründung der Jury] // *Deutscher Buchpreis*. 2008. URL: <https://www.deutscher-buchpreis.de/archiv/jahr/2008> (дата обращения — 14 марта 2021 г.).

Schmidt K. Im Wattenmeer der Utopie // *Der Freitag*. 2000. № 28. URL: <http://www.freitag.de/2000/28/00281601.htm> (дата обращения — 13 мая 2005 г.).

REFERENCES

Seiler L. *Kruso* [Kruzo]. Moscow: Tekst, 2016. 412 p. (in Russian).

Petrov I.A. Kul'tura na perelome [Culture at the turn], in *Mezhdunarodnyi istoricheskii zhurnal*. 2002. No. 20. Available at: http://history.machaon.ru/all/number_09/analiti4/germany/part4/index.html (accessed 2 February 2008).

Fotoistoriya: Chto pokupali zhiteli Vostochnoi Germanii na svoi 100 "privetstvennykh marok" [Photo story: What east german people buy with their 100 "welcome marks"], in *Esquire*. 2020. No. 51 (9 November). Available at: <https://esquire.ru/articles/3715-berlin-wall/#part0> (accessed 14 March 2021).

Brussig T. *Helden wie wir* [Heroes like us]. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 2002. 325 p. (in German).

Jäger L. Du wohnst im Geräusch [You live in the noise], in *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 2014. 11 September. Available at: https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/buecher/rezensionen/belletristik/rezension-lutz-seilers-roman-kruso-13148371.html?printPagedArticle=true#pageIndex_3 (accessed 2 May 2020).

Hammelehle S. Freiheit ist mehr als der Mauerfall [Freedom is more than the fall of the Wall], in *Der Spiegel*. 2014. 7 Oktober. Available at: <https://www.spiegel.de/kultur/literatur/lutz-seiler-deutscher-buchpreis-fuer-kruso-a-995675.html> (accessed 2 May 2020).

Mohr R. Im Osten was Neues [Something new in the east], in *Der Spiegel*. 1999. Available at: <https://www.spiegel.de/politik/im-osten-was-neues-a-4b30d6b7-0002-0001-0000-000015045537> (accessed 16 January 2016).

Peschel S. Wolfgang Hilbig: "Ich" [Wolfgang Hilbig: "It's me"], in *Deutsche Welle*. 2018. 9 Oktober. Available at: <https://www.dw.com/de/wolfgang-hilbig-ich/a-45718354> (accessed 9 June 2016).

Roman des Jahres 2008. Der Turm: [Begründung der Jury], in *Deutscher Buchpreis*. 2008. Available at: <https://www.deutscher-buchpreis.de/archiv/jahr/2008> (accessed 14 March 2021).

Schmidt K. Im Wattenmeer der Utopie [In the wadden sea of utopia], in *Der Freitag*. 2000. No. 28. Available at: <http://www.freitag.de/2000/28/00281601.htm> (accessed 13 May 2005).

Статья принята к публикации 30.04.2021